

Р. Михельс

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ В ПРОБЛЕМЕ ДЕМОКРАТИИ

Пролетариат демократичен. От чувства массы, от численности. Он суть большинство, или мнит себя таковым. Правда, часть пролетариев является, с партийно-политической точки зрения, непролетарской, образуя избирательный базис для других целей. Привести их к «классовому сознанию» — это дополнительная задача социал-демократической политики. Науман [1] очень уж упростил теоретические основы, но по существу был прав, когда, обращаясь к рабочим, говорил, что было бы глупо искать политическую опору в чем-либо ином, кроме как в численности рабочего класса, ибо у пролетария мало денег, мало политического прошлого, в среднем мало образованности, зато у него есть то, в чем ни один другой класс не может с ним тягаться, а именно — дети; подготовить им место — это и означает для пролетариата демократию. Вот почему социализм, или по крайней мере его демократические формы — ибо социализм Сен-Симона, Фурье, Прудона, Писакане, Бланки и Сореля никак нельзя назвать демократическим, и его представители принадлежат отчасти даже открыто к тем, кто отрицает демократию — можно вместе с Хендриком де Маном упрекнуть в том, что он использует численность лишь как средство для захвата власти [2]. Против этого недавно выступили влиятельные социалистические вожди, такие, как Отто Бауэр в Австрии, когда они (в новой Линцской программе) торжественно и свято заверили, что преданность демократии вытекает, дескать, не из тактических, а из принципиальных соображений, а именно — из стремления народа к свободе и самоопределению [см.: 3]. Однако там, где государственная власть действительно в руках пролетариев и где они должны признаться самим себе, что не в достаточной степени являются массой, чтобы и далее удерживать власть на путях демократии,— там они проворно хватаются за диктатуру пролетариата.

Между тем принципиальное в проблеме демократии заключается отнюдь не в воле к переходу от одной формы общества к другой — вопрос имеет объективные основания.

Является ли демократия целью в историко-эволюционном смысле? Демократию хотят называть «завершением». Но ведь это — чистая идеология. Следует объяснить, что никакой теории завершения нет и быть не может. У исторического развития нет познаваемых целей; история движется не по прямой линии. Напротив, она, представляясь особым образом в государственных формах и в массовых чувствах, в восприятии является нам в виде движения «туда и обратно». Это — закон, который Жан-Батист Вико описал как *corsi e ricorsi*¹. История состоит из вечной череды сменяющих друг друга демократических и аристократических, социальных и национальных периодов. Куда в конечном счете ведет нас история? К охлаждению Земли? К Страшному суду? Мы этого не знаем, но одно уже сейчас можем сказать: точно так же, как и аристократия, демократия, если рассматривать ее с исторической точки зрения, — будь то в форме государства или настроения масс — это не завершение, а всего лишь нечто акцидентальное.

Здесь уместна и сугубо теоретическая оговорка.

Демократия зиждется на выборах. Но выборы — это «внутренняя, логическая невозможность». Ибо выборы — это передача воли. Волю же нельзя передать без отчуждения воли. *Celui qui delegate abdique*². Это положение означает не анархический атомизм, а является одновременно законом мышления и результатом опытного познания. Здесь опять-таки следует проводить различие: при харизматическом руководстве масса передает свою волю вождю, сознательно восхищаясь им и преклоняясь перед ним, едва ли не в форме само собой разумеющейся, добровольной жертвы; в то время как при

¹ Путь вперед и назад (*итал.*).

² Тот, кто передает свои полномочия, тот от них отказывается (*фр.*).

демократии в акте передачи воли сохраняется видимость, будто воля потенциально застывает в руках тех, кто ее отдает. Передачей воли являются и такие голосования, которые концентрируются вокруг элементарных и строго определенных частных вопросов. Но они все же оправданы в некоторых случаях. Например, когда политические веса поднимаются так высоко и частные вопросы так глубоко захватывают души, что выборы становятся фактическим выражением если и не сильной мысли, то сильного чувства; или в форме референдума, т. е. в случае однократного прямого волеизъявления. Они оправданы и в совершенно особых обстоятельствах, которые мы здесь детально не рассматриваем, когда принимается решение о принадлежности к одной нации, которое и без того есть чисто волевой акт. Но при более сложных вопросах, предполагающих техническую или предметную компетентность, а также при долгосрочном представительстве передача воли, напротив, становится совершенно бессмысленной.

Как сообщает Джованьоли, этот же тезис, но с социал-демократической точки зрения, выдвинул в своей недавно опубликованной работе о рентабельности коммунальных предприятий вождь социалистов Роберт Гримм, который, будучи директором промышленных предприятий города Берна, прекрасно понимает отношение между демократией и техникой. И правильно, ибо для людей, мыслящих предметно и справедливо, просто безобразно, когда (как это было в одном из крупнейших городов Швейцарии) для решения технического вопроса — в данном случае, следует ли использовать паровые турбины или дизельные моторы — потребовалось согласование с общиной, или когда в другом городе избиратели оказались перед выбором, какие коксовые печи установить на новом газовом заводе — горизонтальные или вертикальные [4].

Но выборы в условиях современной демократии не свободны даже в самом акте выбора. Именно демократии как власти народа свойственно такое «делание выбора», которое естественно предполагает подверженность массы внешнему воздействию, в результате чего выборы как «свободные акты волеизъявления» становятся чрезвычайно уязвимыми. В этой связи следует указать на широко распространенную, не всегда уловимую, с уголовной точки зрения, выборную коррупцию (от подкупа голосов избирателей и разного рода обещаний вплоть до *vin electoral*³), а также на предъявление требований в форме оказания давления со стороны влиятельных индивидов из круга избирателей (*the most skilfull electioneers*), которое проявляется больше как «моральное», однако воздействует вполне адекватно и распространяется на избирателей.

Даже свобода выбора в смысле свободы воспользоваться правом выбора или отказаться от него все больше вырождается во внеправовое или противоправное принуждение к участию в выборах, как, например, в случае «приволакивания» к избирательным урнам. Результаты подобных выборов являются поэтому лишь в очень ограниченной мере выражением «воли народа».

Таким образом, выборы приводят к господству избираемых над избирателями, которое часто совпадает с господством вождей над ведомыми [5]. Идеи, высказанные Кельзенем на Венском социологическом конгрессе осенью прошлого года и получившие там широкое признание, — а я развил их уже в 1910 г. в своей «Социологии партийного дела в современной демократии» — заключают в себе нечто большее, чем просто констатацию ослабления тенденций к реализации непрямой (и отчасти также прямой) демократии. Тот, кто видит в демократии лишь систему представительства посредством народного выбора, мог бы для оправдания этой системы прибегнуть к аргументам, которые приводит Кельзен, но должен ясно сознавать, что акцент на суверенитет народа может быть также в пользу и любой аристократической системы. Ибо *воля народа* не может служить критерием демократии. Ведь существует и господство диктатуры или трибунала с согласия и одобрения народа (консенсус вместо парламента: консенсус часто молчаливый, но нередко весьма громогласный и ощутимый, если и не уловимый

³ Бесплатная выпивка (*фр.*).

статистически). Существует ведь и монархическая диктатура, поддерживаемая посредством просчитываемых народных выборов. С помощью плебисцита народ избирает себе абсолютистское правительство. Например, при бонапартизме. В нем Цезарь являет собой воплощение воли народа (*la volonté populaire faite homme*)⁴.

Демократия и аристократия противоположны друг другу лишь в абстракции своих целеполаганий. Только чисто логически они — антиподы. Но в реально-историческом отношении их противоположность есть не что иное, как фикция. С научной же точки зрения недопустимо систематически отстаивать абсолютность этой противоположности там, где она давно преодолена *de facto*. Хотя между демократией и аристократией все же имеется реальная дистанция (особенно очевидной она становится в прессе), она ни в коей мере не соответствует предпосылкам абстракций. А именно, по следующим причинам.

Значение государственной формы весьма и весьма условно. При анализе демократии мы должны освободиться от чисто государственно-правовой формулировки проблемы. Ибо государственная форма вовсе не нуждается в том, чтобы соответствовать своему массово-психологическому содержанию (нравы, общественное мнение, *residuen* Парето). С исторической точки зрения можно было бы применительно ко многим странам и периодам отстаивать тезис, что при нетерпимости и жесткости демократов демократия в растяжимости своих законных форм открывает для себя нечто вроде комплиментарного явления. Часто мы констатируем почти бесконфликтное сосуществование в высшей степени демократических норм права и в высшей степени недемократической духовной конституции. Существуют свободные протестантские государства, рассматривающие папизм как несвободу, в которых, однако, на государственную службу может устроиться только тот, кто легитимирует себя посредством показного хождения в церковь. В других принято (или было принято) свободное потребление алкоголя, однако тот, кто пользуется этой свободой, считается (или считался) человеком, не заслуживающим уважения. Еще одна, либеральная страна очень гордится свободой прессы, но газеты республиканской направленности не находят в ней ни издателей, ни продавцов, потому что иначе им угрожал бы общественный бойкот. Четвертая, на этот раз республиканская страна не допускает в законном порядке никаких монархических партий, так как они якобы опасны для государства. При этом аргументация сводится к следующему умозаключению. Монархия хочет правового неравенства и несвободы. Так что вполне логично, если в целях защиты принципов правового равенства и свободы образование такого рода партий останется под запретом закона. Обращение с неграми в демократиях по-аристократически нагло, заносчиво и зиждется на предпосылке о существовании народов-господ и «обделенных Богом», неполноценных рас. Теоретическое право участия в выборах у негров «скорректировано» тем, что (во всяком случае, в некоторых государствах) негры, которым взбрдет в голову воспользоваться этим правом, будут встречены у избирательных урн выстрелами из револьверов.

В европейских государствах массовая психология давно уже стерла старые различия между демократией и аристократией. Сегодня аристократические веяния проходят через массу, а демократические находят свой конец в руководящей верхушке. Кто станет отрицать, что фашистская, всегерманская, антисемитская масса отличается от массы демократической или социалистической чем-либо еще, кроме партийной программы (которая не находит выражения в массовых проявлениях и массовом поведении)?

Уже установлено, что демократия также подчиняется закону национальной трансгрессии. Еще ни одна демократия в мире до сих пор не смогла устоять перед инстинктами национального эгоизма, перед соблазном идеи национального престижа. Демократия отличается особенно ярко выраженной склонностью к экспансионизму. Война буров и самоутверждение Египта — все это выражения либеральной английской воли к власти.

Это верно, что в демократии система представительства функционирует как система

⁴ Народная воля делает человека (*фр.*).

отбора вождей. Но Кельзен все же неправ, когда рассматривает отбор вождей как специфику демократии. Он утверждает, что сущность «реальной» демократии заключается в возможности отбора. Но она в лучшем случае заключается в богатых возможностях отбора, да и то их не следует переоценивать. История, уроки которой обычно игнорируются фанатиками и демагогами, учит, что зачастую абсолютная монархия в высшей степени способствовала образованию элит и делала для себя полезными одаренные элементы правящих классов, хотя бы лишь наполовину включая их в круг господствующей олигархии (посредством возведения в дворянское достоинство). Знание истории Короля Солнца во Франции доказывает, что социальный подъем не обязательно противоречит абсолютизму и что «жантильомирование» буржуазии в интересах администрации и армии как раз тогда стояло в повестке дня правительственной политики. Просвещенная аристократия еще никогда не пыталась подорвать закон *circulation des elites*⁵.

Тот факт, что в Германии вожди рождаются из массы, так же нарушает принцип власти вождей и усиливает волю к власти у масс, как и социальный тип *self-made man*⁶ ослабляет принцип капиталистической системы хозяйства или «спасает» рабочий класс. Вожди никогда не уступают «массе», они уступают только другим, новым вождям.

Примечания автора

1. *Naumann F.* Demokratie und Kaisertum. 3. Aufl., Berlin: Buchverl. der Hilfe, 1904. S. 42.
2. *Man de H.* Zur Psychologic des Sozialismus. Jena: Diederichs, 1926. S. 216.
3. *Hula E.* Zum neuen Parteiprogramm der osterreichischen Sozialdemokratie//Der Deutsche Volkswirt. 1 Jahrg. 1927. 4 Marz. N 23.
4. *Giovanoli F.* Zur Soziologie des Parteiwesens und Betrachtungen zur schweizerischen Demokratie//Forschungen zur Volkerpsychologie und Soziologie. Bd. 2: Partei und Klasse/Hrg. von R. Thurnwald. Leipzig: Hirschfeld, 1926. S. 56.

Надо признать, что в некотором отношении демократия, если и не очень хорошо, то все же вполне сносно выдержала испытание на прочность. Например, в маленькой Швейцарии, где секулярные традиции крестьянско-собственнического происхождения привели к столь необходимому и спасительному отказу от внешней политики и экспансии, а своеобразное поглощение интеллектуальных слоев народа деловой жизнью (и тем самым почти полное их дистанцирование от политики) создало особые общественные отношения, перенять которые не так-то легко.

5. Хорошо известны слова Канта: «Из трех государственных форм демократия по необходимости — деспотизм в собственном смысле слова, потому что учреждает исполнительную власть, когда все решают за одного, а в случае надобности и против одного (который, таким образом, не согласен). Решение, следовательно, принимают все, которые на самом деле не все; что суть противоречие общей воли с самой собой и со свободой».

Перевод с немецкого кандидата философских наук
А. Н. МАЛИНКИНА

⁵ Циркуляция элит (*фр.*).

⁶ Человек, обязанный всем самому себе; в данном случае — преуспевший, вышедший из низов (*англ.*).